

МЕТАВСЕЛЕННЫЕ КАК НОВЫЙ ОБЪЕКТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЛЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА

METAVERSES AS A NEW OBJECT OF REGULATION FOR INFORMATION LAW

Кирилл Сергеевич ЕВСИКОВ

Тульский государственный университет, кафедра государственного и административного права, г. Тула, Российская Федерация, aid-ltd@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4593-0063>

Информация об авторе

К.С. Евсиков — доцент кафедры государственного и административного права Тульского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Целью исследования является анализ методов правового регулирования метавселенных. Задачи исследования: выявить правовую природу метавселенной; проанализировать ее архитектурные особенности, способные оказать влияние на правовое регулирование; обобщить зарубежный опыт в данной сфере; изучить отечественное право и судебную практику; выявить возможности создания информационно-правового института метавселенной. В ходе исследования использовались следующие методы: дедукция, индукция, систематизация, юридическое прогнозирование, правовая компаративистика, моделирование.

В ходе исследования автор пришел к следующим результатам. Технология метавселенной пока не получила широкого распространения в Российской Федерации. Однако уже сегодня необходимо искать правовые инструменты защиты граждан от сбора персональных данных владельцами таких информационных систем, а также от противоправного манипулирования ими со стороны владельцев и пользователей метавселенной, включая регламентацию технологий социального инжиниринга. Зарубежный опыт показывает, что метавселенная может стать перспективной сквозной цифровой технологией, для этого органам публичной власти необходимо, избегая «цифрового луддизма», создать нормы права, стимулирующие правомерное поведение владельцев и пользователей данной информационной системы.

Анализ метавселенной позволил утверждать, что пока она является эволюционирующей социальной сетью, и это позволяет распространить на ее владельцев и пользователей нормы права, регулирующие схожие общественные отношения. Анализ судебной практики, проведенный автором, выявил множественные правовые пробелы и юридические коллизии в праве социальных сетей, что пока не позволяет реализовать данное предложение в полной мере. В статье даны конкретные предложения по устранению основных недостатков в существующей правовой системе, а также предложена легальная дефиниция метавселенной. Реализация данных предложений будет способствовать регулированию данной цифровой технологии в нашей стране и становлению нового информационно-правового института — права метавселенной.

Ключевые слова: виртуальная реальность; дополненная реальность; метавселенная; право метавселенной; социальная сеть; социальный инжиниринг; цифровое государство; «цифровой луддизм»

Для цитирования: Евсиков К.С. Метавселенные как новый объект регулирования для информационного права // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2023. Т. 44, № 1. С. 47–57; DOI:

Kirill Sergeevich EVSIKOV

Tula State University, Department of state and administrative law, Tula, Russian Federation, aid-ltd@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4593-0063>

Information about the author

K.S. Evsikov — Associate Professor of the Department of state and administrative law of Tula State University, Associate Professor, Candidate of Legal Sciences

Abstract. The purpose of the study is to analyze the methods of legal regulation of metaverses. Research objectives: to identify the legal nature of the metaverse; to analyze its architectural features that can influence legal regulation; to summarize foreign experience in this field; to study domestic law and court practice; to identify the possibilities of creating the metaverse legal institute. The following methods were used: deduction, induction, systematization, legal forecasting, legal comparative studies, modeling.

Author came to the following results. The technology of the metaverse has not yet been widely used in the Russian Federation. However, it is necessary to look for legal instruments to protect citizens from the collection of personal data by the owners of these types of information systems, as well as from illegal manipulation by the owners and users of the metaverse, including the regulation of social engineering technologies. Foreign experience shows that the metaverse can become a promising end-to-end digital technology, for this, public authorities need to create legal norms that stimulate the lawful behavior of owners and users of this information system, avoiding "digital luddism".

The analysis of the metaverse allowed us to assert that so far it is an evolving social network, which makes it possible to extend to its owners and users the norms of law governing similar social relations. The analysis of judicial practice carried out by the author revealed multiple legal gaps and legal conflicts in the law of social networks, which do not allow implementing this proposal in full scope. The article makes specific proposals to eliminate significant shortcomings in the existing legal system, and also proposes a legal definition of the metaverse. The implementation of these proposals will contribute to the regulation of this digital technology in Russia and the formation of a new legal institute — metaverse law.

Keywords: virtual reality; augmented reality; metaverse; metaverse law; social network; social engineering; digital state; "digital luddism"

For citation: Evsikov K.S. Metaverses as a New Object of Regulation for Information Law // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2023. Vol. 44 (1). P. 47–57; DOI:

По данным исследователей из Оксфорда (Oxford Corpus), концепт «метавселенная» (metaverse) в 2022 г. занял второе место по частоте употребления и значимости [1]. Под этим термином лингвисты понимают (гипотетическую) среду виртуальной реальности, в которой пользователи взаимодействуют с аватарами друг друга и своим окружением с эффектом погружения, что позиционируется как расширение или замена сети Интернет, Всемирной паутины, социальных сетей. Первое зарегистрированное использование термина «metaverse» в Оксфордском словаре датируется 1992 г. Термин использован Нилом Стивенсоном в научно-фантастическом романе «Снежная катастрофа». Спустя 30 лет можно констатировать, что метавселенная вошла в социальную жизнь, экономику и право. Например, в 2022 г. выдан первый в мире ипотечный кредит на жилье в метавселенной Decentraland [2].

Аналитики компании Gartner в октябре 2022 г. опубликовали доклад о стратегически важных технологических трендах на ближайшее время [3]. К одной из десяти технологий, влияющих на эффективность бизнес-процессов, они отнесли технологию метавселенной. По оценкам аналитиков, ожидается существенный рост виртуальной экономики, базирующейся на цифровых активах, а к 2027 г. 40% компаний будут использовать комбинацию Web3, облачной дополненной реальности и цифровых двойников. Безусловно, это потребует от информационного права комплексной правовой регламентации технологии метавселенной, которая сегодня отсутствует.

М.А. Федотов писал: чтобы государство смогло выработать правовые нормы, способные работать в Сети, оно должно сначала найти себя в киберпространстве и определить, где здесь проходят границы его суверенитета и юрисдикции [4]. В метавселенной данные границы придется пересмотреть. Для России это перспектива отдаленного будущего, что, на наш взгляд, обусловлено низким уровнем проникновения технологий виртуальной и дополненной реальности. Однако юридическое моделирование и прогнозирование позволяют утверждать, что среди первых пользователей метавселенной будут правонарушители. Следовательно, права даже незначительного числа

граждан страны, использующих данную технологию, могут быть нарушены.

Этот вывод подтверждает опыт других стран. Например, в США Центр борьбы с цифровой ненавистью (Center for Countering Digital Hate) указывает, что популярная метавселенная VR Chat изобилует оскорблениями, домогательствами, проявлениями расизма и порнографическим контентом. Исследователи обнаружили, что пользователи, в том числе несовершеннолетние, подвергаются оскорбительному поведению каждые семь минут, в том числе воздействию графического сексуального содержания, запугиванию, сексуальным домогательствам и жестокому обращению. Несовершеннолетних учат повторять расистские оскорбления и экстремистские высказывания, включая материалы, высмеивающие теракты 11 сентября [5]. Эти примеры позволяют сделать вывод, что формировать модели правового регулирования метавселенной необходимо в отечественном праве уже сегодня.

Одной из первых проблем, которую информационное право должно решить в процессе регулирования метавселенной, является формирование языка науки. По мнению И.Л. Бачило, данный вопрос является одним из ключевых при формировании информационного законодательства [6]. Анализ показывает, что его решению не способствует даже большое количество научных статей и монографий. Следует согласиться с мнением ученых, что язык информационного права все еще не сформирован на должном уровне [7]. Это, в свою очередь, порождает другие проблемы, например, где в структуре информационного права должно располагаться право метавселенной. Отечественные эксперты отмечают формирование в информационном праве раздела «Цифровое право», под цифровым правом они предлагают понимать нормы, регулирующие общественные отношения, возникающие, изменяющиеся и прекращающиеся в киберпространстве [8]. Вероятно, именно здесь должна формироваться совокупность норм права, способных стать институтом метавселенной.

Однако до этого необходимо определить, что следует относить к данному объекту правового регулирования. Зарубежная юридическая наука понимает под метавселенной взаимосвязанные виртуальные среды, управляемые движениями с помощью электромиографии (ЭМГ) и нейронных интерфейсов [9]. В отечественных научных публикациях также встречается термин «метавселенная», однако он лишь упоминается в связи с регулированием иных объектов права, например при анализе возможностей наследования цифровых активов [10] или при исследовании вопросов защиты прав геймеров [11]. В отечествен-

ном законодательстве термин не используется, но в некоторых подзаконных нормативных правовых актах упоминаются технологии виртуальной реальности (virtual reality, VR) и дополненной реальности (augmented reality, AR). Нормы права, регулирующие данные технологии, не имеют полноценной структуры (диспозиция, гипотеза, санкция), а представляют собой перечень технологий, развитие которых поддерживается государством, например, для создания экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций [12] или для определения стратегии цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования [13].

В отсутствие концепта «метавселенная», нельзя составить концепцию правового регулирования, что, в свою очередь, ведет к доминированию «цифрового луддизма», выражающегося в принятии законов о «красном флаге». Яркий исторический пример подобного регулирования — принятие в Великобритании в 1865 г. Закона о локомотивах (Locomotive Acts). Согласно одному из положений данного нормативного правового акта, во время движения любого автомобиля физическое лицо должно идти перед ним пешком не менее чем за шестьдесят ярдов и нести красный флаг, предупреждая о его приближении [14]. Не вызывает сомнений, что законодатель, принимая данную норму, исходил из желания защитить права граждан. Также очевидно, что норма была избыточна и снизила конкурентоспособность перевозок автомобильным транспортом. По оценкам некоторых авторов, это привело к существенному технологическому отставанию страны в данной сфере от других европейских государств.

Вероятность «цифрового луддизма» в отечественном праве метавселенной подтверждается публикациями НТЦ «Главный радиочастотный центр» при Роскомнадзоре. Организация выделила риски метавселенной, связав их со стремлением пользователей перенести в виртуальный мир свои ценности, этику и идентичность, что, по мнению авторов, будет оказывать влияние на физический мир и иметь реальные негативные последствия [15]. Соглашаясь с данным выводом, следует отметить, что технология метавселенной, как любая иная цифровая технология, всегда нейтральна. Негативное или позитивное влияние на социум зависит только от субъекта, ее создающего и использующего. Право как регулятор общественных отношений способно направлять действия субъектов права, стимулируя позитивное использование и предотвращая негативное применение.

Не вызывает сомнений, что добиться подобного результата одновременно путем принятия закона или пакета законов нельзя. Это не означает, что законода-

тель должен устанавливать «красные флаги», ограничивая использование цифровой технологии, которую не понимает, мотивируя это благими намерениями и возможными рисками. Подобный вывод основан не только на исторических примерах, но и на опыте становления норм права, регулирующих технологии, связанные с метавселенной в России. Например, с 2014 г. Центральный банк Российской Федерации ограничивает использование цифровых активов [16]. Хотя сегодняшний опыт и уровень развития технологий позволяют говорить, что их регулирование принесло финансовой системе дополнительный доход, а также возможность международного денежно-финансового оборота в условиях ограничения доступа к отдельным международным финансовым институтам, однако Банк России продолжает придерживаться «цифрового луддизма», что отражено в его докладе, опубликованном в 2022 г. [17]. Отметим, что правовое регулирование данных правоотношений имеет важное значение для права метавселенной, так как цифровые активы являются центром ее экономической модели.

Анализ трендов позволяет предположить, что в других сферах правового регулирования метавселенной «цифровой луддизм» пока не оказывает столь критического влияния. Например, в сентябре 2022 г. в Совете Федерации обсудили правовые аспекты регулирования метавселенных с представителями информационного права [18]. Автор надеется, что высказанные учеными идеи найдут отражение в законодательных инициативах по совершенствованию российского информационного законодательства. Обеспечить этот процесс должен, на взгляд автора, новый институт информационного права — «право метавселенной».

Это соответствует и зарубежному опыту. Например, в англоязычном варианте Википедии *metaverse law* [19] уже указан как самостоятельный раздел юриспруденции, хотя единого представления о его содержании пока нет. Сегодня исследованием этого вопроса занимаются ученые — юристы и практики, а также некоммерческие организации. Например, в США с 2021 г. действует Институт метавселенной (*Metaverse Policy Institute*), который ставит целью создать первый закон о метавселенных, позволяющий обеспечить лидерство страны в этой сфере [20]. Под данной цифровой технологией в Институте понимают иммерсионную проекцию виртуальных миров, включающую в себя виртуальную реальность (VR), дополненную реальность (AR), смешанную реальность (MR) и новые концепции, такие как гиперреальность. Существуют и иные классификации. Старший партнер компании *Dentons* в Сеуле Янг-Хан Ли указывает, что существуют четыре типа метавселен-

ных: дополненная реальность (*Augmented Reality*), регистрация жизни (*Life Logging*), зеркальные миры (*Mirror Worlds*) и виртуальные миры (*Virtual Worlds*) [21]. Их наиболее успешные модели: *Zepeto*, *Roblox*, *Gather* и *Decentraland*. В качестве основных правоотношений в метавселенной Янг-Хан Ли выделяет:

- участие пользователей в деятельности, приносящей доход, путем продажи самодельных аватаров или игр другим пользователям;
- получение реального дохода за счет использования метавселенной в качестве канала для рекламы, продвижения по службе, маркетинга и обучения;
- торговля цифровыми активами с использованием незаменимых токенов (NFT).

Данная классификация неидеальна, так как акцент в ней сделан на хозяйственную деятельность в метавселенной, а вопросы правового регулирования распространения информации и защиты конфиденциальных данных остались за пределами внимания юристов. Представляется, что основная масса споров, связанных с метавселенной, будет базироваться на данных типах правоотношений. Эта гипотеза подтверждается тем фактом, что метавселенная на начальном этапе своего развития существует как эволюционирующая социальная сеть. Соответственно правовые конфликты, существующие в социальном медиа, будут воспроизведены и в данной информационной системе.

Анализ судебной практики показал, что на начало 2023 г. в Государственной автоматизированной системе «Правосудие» и коммерческих справочных правовых системах размещено более 10 тыс. судебных актов по данной категории споров. Наиболее часто в суды обращаются за защитой интеллектуальной собственности и информационных прав. Если вопросы авторского права в виртуальной реальности получили освещение в публикациях отечественных экспертов [22], то защита прав граждан в информационной сфере имеет пробелы и в юридической науке и в законодательстве. Это четко прослеживается при анализе судебных решений — например, о защите от негативных сведений, содержащихся в видеоролике в социальной сети YouTube [23], о получении возмещения морального вреда за распространение в социальной сети сведений, не соответствующих действительности и порочащих честь, достоинство и деловую репутацию истца [24]. В большинстве случаев длительность рассмотрения дела и отказ в денежной компенсации ущерба сводят на нет нормы права, регулирующие оборот информации в социальных сетях. В свете данных решений оптимистично выглядят судебные акты, когда истцы добиваются значимой компенсации вреда, причиненного их информационным

правам. Например, непубличное акционерное общество «Царьград Медиа», получило существенную компенсацию с Google Ireland Limited за блокировку информации, размещенной истцом в социальной сети YouTube [25].

Представляется, что аналогичные правовые конфликты будут составлять основную массу судебных споров и при использовании метавселенной на первом этапе ее становления. В исследовании 2022 г. китайских и канадских ученых развитие данной цифровой технологии разделяют на три этапа [26].

1. Создание цифровых двойников субъектов и объектов реальной действительности. Исследователи полагают, что это будет сопровождаться появлением «зеркального мира». С точки зрения права данный этап, на наш взгляд, будет характеризоваться появлением цифровых аватаров физических и юридических лиц, включая органы публичной власти. Правовое регулирование возникающих при этом общественных отношений можно будет применять по аналогии. Однако действующему законодательству придется адаптироваться к программному коду, что в нашей стране будет происходить в соответствии с Концепцией развития технологий машиночитаемого права [27].

2. Создание цифровых «аборигенов», существующих в метавселенной и не имеющих эквивалентов в реальной действительности; они будут вступать во взаимодействие с цифровыми двойниками, порождая новые виды правоотношений. Например, взаимодействие аватара физического лица с виртуальным помощником, функционирующим на основе технологий искусственного интеллекта, для создания виртуального произведения искусства, фиксируемого на основе технологий NFT. На этом этапе в информационном праве возникнет потребность в новых видах норм, которые не имеют эквивалента в существующей правовой системе. Их отсутствие создаст ситуацию «цифрового Дикого Запада», что несет риски нарушения прав и свобод человека и гражданина.

Информационному праву уже сегодня необходимо прогнозировать подобные правоотношения, оценивая необходимость формирования новых правовых режимов, новых видов санкций и т.д. Примером подобного объекта права, существующего уже сегодня, является биткоин. Данная криптовалюта представлена только в информационной системе, она выступает объектом денежно-товарного обмена по всему миру, находясь вне чьей-либо государственной юрисдикции.

3. Следующий этап пока носит несколько сюрреалистичный характер, так как рассматривает полную интеграцию физического и виртуального миров, когда объем объектов и субъектов виртуального мира

превысит номинальный перечень объектов реальной действительности. В рамках информационного права это приведет к появлению новых форм и методов государственного управления, включая полную интеграцию органов публичной власти с пространством метавселенной и становлением «цифрового государства», которое в настоящее время мы только прогнозируем [28]. Вероятно, на данном этапе произойдет формирование новых инструментов правового регулирования, например социальной инженерии и цифровых рейтингов.

Не вызывает сомнений, что прохождение метавселенной указанных этапов развития будет происходить в разных странах по-разному, что обусловлено уровнем цифровой зрелости общества и государства, а также особенностями правовой системы разных государств. Сегодня уже можно выделить два подхода к регулированию метавселенной:

- страны Юго-Восточной Азии предпринимают реальные шаги по формированию правовых институтов для регулирования метавселенной;
- страны Европы и Северной Америки полагаются на расширение существующих норм и саморегулирование метапространства.

Это деление весьма условно, так как большинство стран стараются использовать оба метода правового регулирования. Например, в октябре 2021 г. при Китайской ассоциации мобильной связи создана первая отраслевая организация по регулированию метавселенной, которая приняла Декларацию индустрии метавселенной, включающую следующие принципы:

- ориентированность на граждан;
- создание позитивного имиджа цифровой жизни;
- оптимизация и модернизация цифровой экономики в новой инфраструктуре метавселенной;
- поощрение создания новых возможностей для субъектов метавселенной;
- создание экологии ценности данных в метавселенной;
- формирование принципов открытого сотрудничества для построения и развития метавселенной [29].

В Великобритании существует Законопроект о безопасности в Сети, призванный урегулировать правоотношения в метавселенной, включая интеллектуальную собственность, владение активами, смарт-контракты, защиту прав потребителей, защиту конфиденциальных данных, защиту трудовых прав и иные общественные отношения. В США нет законодательства, упоминающего метавселенную как объект права, но существует ряд нормативных правовых актов, которые создатели и пользователи цифровой технологии обязаны учитывать. Это, например, зако-

ны штата и федеральные законы, касающиеся хозяйственной деятельности, включая законы об азартных играх, о денежных переводах, о ценных бумагах, о недобросовестной и вводящей в заблуждение торговой практике, о кибербезопасности, антимонопольное законодательство, авторское право, законы о хранимых сообщениях и даже Четвертую поправку, определяющую защиту от неправомерного обыска и конфискации имущества и т.д. [30]. Безусловно, перечисленное законодательство составляет «право метавселенной», но для его эффективного использования требуется адаптация существующих норм к архитектурным особенностям регулируемой ими цифровой технологии.

Представляется целесообразным начать данную «адаптацию» с рассмотрения особенностей правового регулирования схожей цифровой технологии, что является исторически оправданным методом правотворчества. Например, Верховный Суд США в первых своих решениях, касающихся технологии WWW, указывал на ее схожесть с огромной библиотекой проиндексированных источников. Аналогичным образом в отечественной судебной практике целесообразно исходить из того, что метавселенная на сегодняшнем этапе развития повторяет технологию социальных сетей. Подобная аналогия позволяет сделать два умозаключения:

- при отсутствии нормативного правового акта, определяющего порядок поведения пользователя в метавселенной, следует руководствоваться нормами права, регулирующими социальные сети;
- правовые пробелы и юридические коллизии, существующие в отечественном праве при регулировании социальных сетей, возникнут в праве метавселенной.

Отечественный правовой институт, регулирующий социальные сети, включает в себя отдельные положения Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [31], а также некоторые подзаконные нормативные правовые акты, например Правила вынесения требования владельцу социальной сети об отмене мер по ограничению доступа к информации пользователя [32]. Данный правовой институт находится в стадии активного формирования, что подтверждается наличием многочисленных пробелов в праве. При этом концептуального подхода к регулированию данной цифровой технологии в России сегодня нет. В результате по некоторым общественно значимым вопросам органы публичной власти принимают рекомендации вместо нормативно-правовых актов.

Например, Минпросвещения России опубликовало Методические рекомендации по реализации мер,

направленных на обеспечение безопасности детей в сети Интернет, где рекомендовало поисковым системам исключить из результатов поиска персональные данные детей в форме ссылок на аккаунты в социальных сетях. Владельцам социальных медиа рекомендовано обеспечить исключение из публичного доступа неограниченному кругу лиц персональных данных детей в виде геометок, номера телефона и информации об образовательном учреждении, в котором проходит обучение ребенок [33]. Вызывает недоумение, почему подобные указания приняты на уровне рекомендаций: если они действительно необходимы, то следует создать соответствующую норму права.

Это лишь один из примеров правового пробела в регулировании социальных сетей, который, безусловно, приведет к недостаткам в процессе правового регулирования метавселенной. К значимым юридическим коллизиям в данной сфере автор также относит перечисленные ниже недостатки.

1. Неконтролируемый сбор социальными сетями всех видов персональных данных граждан Российской Федерации, а также их коммерческий оборот, включая продажу третьим лицам. Наличие одного из самых жестких законов о персональных данных [34] не защищает граждан от обработки их личной информации широким кругом лиц. Например, в нашей стране до сих пор не регламентирован парсинг, что видно по делу ООО «В Контакте» и ООО «Дабл», продолжавшемуся с 2017 по 2022 г. [35]. Анализ многочисленных судебных актов, разрешающих спор по существу, а также отменяющих и изменяющих решения судов разного уровня, позволяет говорить о процессуальной слабости позиций сторон по данному делу. Это, по мнению автора, обусловлено несовершенством правового поля, не гарантирующего должную степень защиты персональных данных пользователей социальных сетей.

Несомненно, этот правовой пробел приведет к проблеме регулирования сбора и обработки персональных данных в метавселенной. Это вызывает особое беспокойство, так как объем данных и их характер будут беспрецедентны. В частности, возможна неосознанная реакция мозга на любой раздражитель, что позволит создать высокоэффективные системы манипулирования физическим лицом, и это еще один правовой пробел в регулировании социальной сети.

2. Манипулирование физическими лицами путем предоставления определенного типа информации. Данное воздействие не всегда происходит по противоправным мотивам. Алгоритм машинного обучения, рекомендуя пользователю информацию, настроен на «залипание» физического лица в социальном медиа. Искусственный интеллект предлагает контент,

который должен как можно дольше удерживать пользователя в социальной сети. Алгоритм не оценивает информацию, которую рекомендует, с точки зрения этики и морали. Соответственно физическому лицу может предлагаться контент, вводящий его в психоэмоциональное напряжение, а также манипулирующий его подсознательными слабостями (азартные игры, девиантное поведение и т.д.). Это может привести к физическим и нравственным страданиям, что особенно опасно для несовершеннолетних граждан. Например, деструктивное влияние алгоритмов социальных сетей на девочек-подростков выявлено исследователями в Великобритании и США [36].

Запрет или ограничение на работу алгоритмов социальных сетей сегодня в отечественном праве отсутствует, а значит, и в праве метавселенной контент не будет урегулирован. Иной подход ставил бы владельцев информационных систем в неравное положение, а это противоречит ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации, в которой закреплено положение, что все равны перед законом и судом [37].

Представляется, что для права метавселенной проблема недобросовестной социальной инженерии будет стоять более остро, чем для социальных медиа. Исправить ситуацию способно урегулирование данной проблемы во всех информационных системах. Отметим, что запрет на социальную инженерию недопустим. Данная технология, как и любая другая, является социально нейтральной. При ее позитивном использовании создаются уникальные возможности для обеспечения правопорядка и оперативного реагирования на потребности социума со стороны органов публичной власти. Например, анализ информации, размещаемой в социальных сетях, уже позволяет органам публичной власти выявлять:

- природные явления — стихийные бедствия, землетрясения, метеорологические события, осадки;
- подозрительные события — преступления, насильственные действия, протестные действия, поведение, вызывающее подозрение в террористических намерениях;
- события здравоохранения — заболеваемость, употребление наркотиков, оздоровительные мероприятия;
- сопутствующие события — чрезвычайные происшествия, кризисные ситуации, распространение слухов, кибератаки;
- события дорожного движения;
- другие события — спортивные мероприятия, субсобытия, события в реальном времени [38].

Применение данной технологии в метавселенной сделает ее самым точным и эффективным социальным детектором, позволяющим оперативно реагировать

на негативные и позитивные события. Например, анализ поведения физического лица может свидетельствовать о склонности его к совершению противоправного действия, и исследование его поведения в метавселенной позволит выявить его склонности и внутренние мотивы, воздействие на которые поможет склонить физическое лицо к правомерному поведению. Вопрос этичности подобного воздействия остается открытым, но не вызывает сомнений, что, если социум принимает подобное манипулирование для продажи ему товаров, работ и услуг, то социальная инженерия для обеспечения общественного порядка не вызовет всеобщего осуждения.

При выдвижении подобной гипотезы автор исходит из следующего. Условно социум можно разделить на три группы: лица, склонные к правомерному поведению; лица, склонные к неправомерному поведению; лица, склонные к правомерному и неправомерному поведению в зависимости от внешних факторов. Предполагаем, что социальная инженерия метавселенной призвана воздействовать на третью группу и потенциально способна оказать на нее положительное влияние. Данная гипотеза подтверждается позитивной корректировкой поведения лица, попадающего в среду с более высоким уровнем социальной ответственности. Например, если физическое лицо, не сортирует мусор и не сдает его для переработки, то при переезде в район, где сортировка мусора является нормой, оно с высокой степенью вероятности будет корректировать свое поведение. Аналогичным образом при формировании у пользователя социальных медиа ощущения, что определенный тип поведения не поощряется метасообществом, а его поведение станет ему известно, формируется система самоконтроля и саморегулирования.

При этом автор считает обязательным установление законодательного запрета на манипулирование сознанием физического лица в метавселенной путем применения технологий, основанных на невосприимчивых сознанием информационных сигналах (по аналогии с 25-м кадром). Однако сложность реализации подобного нормативно-правового запрета базируется на отсутствии правового концепта «метавселенная». Попробуем его устранить, выявив ключевые факторы, которые могут оказать влияние на формирование правовой дефиниции.

1. Сегодняшний уровень развития метавселенных не привел к появлению принципиально нового способа взаимодействия. Физическое лицо для получения услуги обращается к цифровой платформе, которая выступает посредником, обеспечивающим его доступ в систему и к цифровым активам. Это предполагает возможность распространения на метавселен-

ные действующего законодательства об информации и информационных технологиях. Тогда для формирования дефиниции необходимо учесть следующие легальные термины:

- информация — сведения (сообщения, данные), независимо от формы их представления;
- информационные технологии — процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и применения таких методов;
- информационная система — совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств [39].

2. С 2019 г. в Гражданском кодексе РФ существует термин «цифровые права» [40]. Под этим концептом закон понимает обязательственные и иные права, содержание и условия, осуществление которых определяется в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Если иное не предусмотрено законом, обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом.

Представляется, что на первом этапе регулированию подлежат метавселенные, участвующие в хозяйственной деятельности, т.е. создающие объекты информационных прав и обеспечивающие оборот таких цифровых активов. В 2021 г. компания Juniper Research провела исследование, которое показало, что объем мирового рынка лутбоксов (от англ. *loot* — «добыча в игре») составляет 15 млрд долларов США, а к 2025 г. он достигнет 20 млрд долларов США, возрастая на 5% ежегодно. На долю Российской Федерации приходится 1,5% указанной суммы [41].

Даже такие скромные показатели позволяют говорить о появлении нового рынка цифровых активов, где физические и юридические лица получают доход от перепродажи игровых предметов. Это требует срочно урегулировать правоотношения в разных отраслях отечественного права, например налогового. В настоящее время налогообложение сделок с цифровыми активами вызывает судебные споры. Например, компания «Мэйл.Ру Геймс», получив доход от продажи дополнительного функционала в видеоиграх (броня, оружие и т.п.), не заплатила с этих поступлений налог на добавленную стоимость, применив право на налоговый вычет при реализации прав на использование программ по лицензионным договорам. Налоговая инспекция начислила НДС, посчитав данные объекты не относящимися к программному обеспечению. Данный довод поддержали арбитражный суд

г. Москвы, а также суды апелляционной и кассационной инстанций [42].

3. Системы виртуальной и дополненной реальности являются отличительной чертой для разделения социальной сети и метавселенной. Однако сегодня большинство метавселенных позволяет пользователям участвовать в их жизни и без данного оборудования. Поэтому предлагается включить в дефиницию следующую формулировку: «может использовать технологии виртуальной и/или дополненной реальности». Подобная формулировка, на наш взгляд, исключит возможность для владельцев информационных сетей получить правовую «лазейку» для ухода из-под регулирования права метавселенной.

На основании приведенных аргументов автор предлагает следующее определение. *Метавселенная — информационная система, существующая в форме цифровой платформы и/или социальной сети, предоставляющая возможность создавать и осуществлять переход цифровых прав между пользователями, для доступа к которой физическое лицо может использовать информационные технологии виртуальной и/или дополненной реальности, а также проецировать в реальную действительность виртуальные объекты.*

Представляется, что легальное закрепление дефиниции «метавселенная» станет первым шагом для формирования информационно-правового института — права метавселенной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Oxford Word of the Year 2022. — URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2022/> (дата обращения: 20.01.2023).
2. URL: <https://decentraland.org/> (дата обращения: 20.01.2023).
3. Gartner Top Strategic Technology Trends 2023. — URL: <https://emtemp.gcom.cloud/ngw/globalassets/en/publications/documents/2023-gartner-top-strategic-technology-trends-ebook.pdf> (дата обращения: 20.01.2023).
4. Федотов М.А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства // Lex russica. 2016 № 3. С. 164–182.
5. Facebook's Metaverse. — URL: <https://counterhate.com/research/facebooks-metaverse/#about> (дата обращения: 20.01.2023). [Деятельность Meta Platforms Inc. по реализации продуктов — социальных сетей Facebook и Instagram — на территории РФ запрещена по основаниям осуществления экстремистской деятельности.]
6. Бачило И.Л. Институциональный подход к решению проблем понятийного аппарата в информационном

- законодательстве // Понятийный аппарат в информационном праве / отв. ред. И.Л. Бачило, Т.А. Полякова, В.Б. Наумов: кол. монография. М.: ИГП РАН — Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. 264 с.
7. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Развитие науки информационного права и правового обеспечения информационной безопасности: формирование научной школы информационного права (прошлое и будущее) // Государство и право. 2021. № 12. С. 97–108.
 8. Информационное право: учебник для вузов / М.А. Федотов и др.; под ред. М.А. Федотова. М.: Юрайт, 2023. 497 с. С. 25.
 9. Andy Ramos. Le métavers, les NFT et les droits de propriété intellectuelle: réglementer ou ne pas réglementer? // Magazine de l'OMPI. 2022. Numéro 2. P. 7–11.
 10. Харитонов Ю.С. Особенности перехода права следования по наследству // Нотариальный вестник. 2022. № 10. С. 5–13.
 11. Будник Р.А., Зверев М.О. Интеллектуальные права геймеров // Закон. 2022. № 7. С. 126–147.
 12. Постановление Правительства РФ от 28.10.2020 № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций» // Собрание законодательства РФ, 02.11.2020, № 44, ст. 7003.
 13. Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования (утв. Минобрнауки России). — URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/e16/dv6edzmr0og5dm57dtm0wyllr6uwuujw.pdf> (дата обращения: 20.01.2023).
 14. Locomotive Acts. — URL: <https://archive.org/details/statutesunitedk30britgoog/page/182/mode/2up?view=theater> (дата обращения: 20.01.2023).
 15. Метавселенная: возможности и риски новой реальности. — URL: <https://rdc.grfc.ru/2022/02/metaverse/> (дата обращения: 20.01.2023).
 16. Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности биткойна. — URL: https://cbr.ru/press/PR/?file=27012014_1825052.htm (дата обращения: 20.01.2023).
 17. Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад для общественных консультаций. М.: Банк России, 2022. 37 с.
 18. URL: http://council.gov.ru/events/main_themes/138419/ (дата обращения: 20.01.2023).
 19. Metaverse law. — URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Metaverse_law#:~:text=Metaverse%20law%20refers%20to%20legal,%2C%20mixed%20reality%2C%20and%20hyperreality (дата обращения: 20.01.2023).
 20. URL: <https://www.metaversepolicy.org/> (дата обращения: 20.01.2023).
 21. Young-Han Lee. The legal wild west of the metaverse — Its legal implications — URL: <https://www.dentonslee.com/en/insights/articles/2022/may/26/the-legal-wild-west-of-the-metaverse-its-legal-implications> (дата обращения: 20.01.2023).
 22. Энтин В.Л. Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи). М.: Статут, 2017. 21 с.
 23. Определение Верховного Суда РФ от 26.04.2021 № 310-ЭС19-20476 по делу № А84-2513/2019 // СПС «Консультант Плюс».
 24. Определение Верховного Суда РФ от 01.07.2022 № 307-ЭС22-10723 по делу № А05-6120/2021 // СПС «Консультант Плюс».
 25. Дело № А40-155367/2020. — URL: kad.arbitr.ru (дата обращения: 20.01.2023).
 26. A Survey on Metaverse: Fundamentals, Security, and Privacy. — URL: <https://arxiv.org/pdf/2203.02662.pdf> (дата обращения: 20.01.2023).
 27. Концепция развития технологий машиночитаемого права (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31) // СПС «Консультант Плюс».
 28. Евсиков К.С. Государственно-правовые концепции использования информационных технологий в государственном управлении // Lex russica. 2022. № 1. С. 74–86.
 29. Метавселенные придут с Востока. — URL: https://rdc.grfc.ru/2022/03/metaverse_regulation/ (дата обращения: 20.01.2023).
 30. Garon Jon M. Legal Implications of a Ubiquitous Metaverse and a Web3 Future (January 3, 2022). — URL: <https://ssrn.com/abstract=4002551> (дата обращения: 20.01.2023).
 31. Федеральный закон от 30.12.2020 № 530-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» // Собрание законодательства РФ, 04.01.2021, № 1 (ч. 1), ст. 69.
 32. Постановление Правительства РФ от 15.07.2021 № 1191 «Об утверждении Правил и сроков рассмотрения обращений пользователей социальной сети об отмене мер по ограничению доступа к информации, выявленной в процессе осуществления мониторинга социальной сети или по результатам рассмотрения обращения о распространяемой с нарушением закона информации, а также Правил вынесения требования владельцу социальной сети об отмене мер по ограничению доступа к информации пользователя» // Собрание законодательства РФ, 26.07.2021, № 30, ст. 5769.

33. Письмо Минпросвещения России от 29.03.2019 № 03-393 «О методических рекомендациях» (вместе с Методическими рекомендациями по реализации мер, направленных на обеспечение безопасности детей в сети Интернет) // Вестник образования России. 2019. № 12.
34. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (ч. 1), ст. 3451.
35. Дело № А40-18827/2017. — URL: kad.arbitr.ru (дата обращения: 20.01.2023).
36. *Georgia Wells, Jeff Horwitz, Deepa Seetharaman.* Facebook Knows Instagram Is Toxic for Teen Girls, Company Documents Show. — URL: <https://www.wsj.com/articles/facebook-knows-instagram-is-toxic-for-teen-girls-company-documents-show-11631620739> (дата обращения: 20.01.2023). [Деятельность Meta Platforms Inc. по реализации продуктов — социальных сетей Facebook и Instagram — на территории РФ запрещена по основаниям осуществления экстремистской деятельности.]
37. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>
38. *Mredula M.S., Dey N., Rahman M.S., Mahmud I., Cho Y.-Z.* A Review on the Trends in Event Detection by Analyzing Social Media Platforms' Data // *Sensors*. 2022. Vol. 22. P. 4531. — URL: <https://doi.org/10.3390/s22124531> (дата обращения: 20.01.2023).
39. Статья 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (ч. 1), ст. 3448.
40. Статья 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (ч. 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
41. *Каткова М.М., Сурьянинова П.А.* Виртуальная собственность в компьютерных играх: проблемы регулирования в российском законодательстве // Труды по интеллектуальной собственности. 2022. Т. 43. № 4. С. 91–100.
42. Дело А40-91072/14. — URL: kad.arbitr.ru (дата обращения: 20.01.2023).
2. URL: <https://decentraland.org/> (last access: 20.01.2023).
3. Gartner Top Strategic Technology Trends 2023. — URL: <https://emtemp.gcom.cloud/ngw/globalassets/en/publications/documents/2023-gartner-top-strategic-technology-trends-ebook.pdf> (last access: 20.01.2023).
4. *Fedotov M.A.* Konstitucionnye otvety na vyzovy kib erprostranstva // *Lex russica*. 2016. № 3. S. 164–182.
5. Facebook's Metaverse. — URL: <https://counterhate.com/research/facebooks-metaverse/#about> (last access: 20.01.2023).
6. *Bachilo I.L.* Institucional'nyj podhod k resheniyu problem ponyatijnogo apparata v informacionnom zakonodatel'stve // Ponyatijnyj apparat v informacionnom prave / otv.red. I.L. Bachilo, T.A. Polyakova, V.B. Naumov: kol. monografiya. M.: IGP RAN — Izdatel'stvo "Kanon+" ROOI "Reabilitaciya", 2017. 264 s.
7. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krokova N.V.* Razvitie nauki informacionnogo prava i pravovogo obespecheniya informacionnoj bezopasnosti: formirovanie nauchnoj shkoly informacionnogo prava (proshloe i budushchee) // *Gosudarstvo i pravo*. 2021. No 12. S. 97–108.
8. *Informacionnoe pravo: uchebnik dlya vuzov / M.A. Fedotov i dr.; pod red. M.A. Fedotova.* M.: Yurajt, 2023. S. 25.
9. *Andy Ramos.* Le métavers, les NFT et les droits de propriété intellectuelle: réglementer ou ne pas réglementer? // *Magazine de l'OMPI*. 2022. Numéro 2. P. 7–11.
10. *Haritonova Yu.S.* Osobennosti perekhoda prava sledovaniya po nasledstvu // *Notarial'nyj vestnik*. 2022. No 10. S. 5–13.
11. *Budnik R.A., Zverev M.O.* Intellektual'nye prava gemerov // *Zakon*. 2022. No 7. S. 126–147.
12. *Budnik R.A., Zverev M.O.* Intellektual'nye prava Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 28.10.2020 No 1750 "Ob utverzhdenii perechnya tekhnologii, primenyaemyh v ramkah eksperimental'nyh pravovyh rezhimov v sfere cifrovyyh innovacij" // *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 02.11.2020, No 44, st. 7003.
13. *Strategiya cifrovoj transformacii otrasli nauki i vysshego obrazovaniya (utv. Minobrnauki Rossii).* — URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/e16/dv6edzmr0og5dm57dtm0wyllr6uwujw.pdf> (last access: 20.01.2023).
14. *Locomotive Acts.* — URL: <https://archive.org/details/statutesunitedk30britgoog/page/182/mode/2up?view=theater> (last access: 20.01.2023).
15. *Metavselennaya: vozmozhnosti i riski novoj real'nosti.* — URL: <https://rdc.grfc.ru/2022/02/metaverse/> (last access: 20.01.2023).
16. *Ob ispol'zovanii pri sovershenii sdelok "virtual'nyh valyut", v chastnosti, Bitkojn.* — URL: <https://cbr.ru/>

REFERENCES

- press/PR/?file=27012014_1825052.htm (last access: 20.01.2023).
18. URL: http://council.gov.ru/events/main_themes/138419/ (last access: 20.01.2023).
 19. Metaverse law. — URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Metaverse_law#:~:text=Metaverse%20law%20refers%20to%20legal,%2C%20mixed%20reality%2C%20and%20hyperreality (last access: 20.01.2023).
 20. URL: <https://www.metaversepolicy.org/> (last access: 20.01.2023).
 21. Young-Han Lee. The legal wild west of the metaverse — Its legal implications. — URL: <https://www.dentonslee.com/en/insights/articles/2022/may/26/the-legal-wild-west-of-the-metaverse-its-legal-implications> (last access: 20.01.2023).
 22. Entin V.L. Avtorskoe pravo v virtual'noj real'nosti (novye vozmozhnosti i vyzovy cifrovoj epohi). M.: Statut, 2017. 216 s.
 23. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 26.04.2021 No 310-ES19-20476 po delu No A84-2513/2019 // SPS "Konsul'tant Plyus".
 24. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 01.07.2022 No 307-ES22-10723 po delu No A05-6120/2021 // SPS "Konsul'tant Plyus".
 25. Delo No A40-155367/202. — URL: kad.arbitr.ru (last access: 20.01.2023).
 26. A Survey on Metaverse: Fundamentals, Security, and Privacy. — URL: <https://arxiv.org/pdf/2203.02662.pdf> (last access: 20.01.2023).
 27. Konceptiya razvitiya tekhnologij mashinochitaemogo prava (utv. Pravitel'svennoj komissiej po cifrovomu razvitiyu, ispol'zovaniyu informacionnyh tekhnologij dlya uluchsheniya kachestva zhizni i uslovij vedeniya predprinimatel'skoj deyatel'nosti, protokol ot 15.09.2021 No 31) // SPS "Konsul'tant Plyus".
 28. Evsikov K.S. Gosudarstvenno-pravovye koncepcii ispol'zovaniya informacionnyh tekhnologij v gosudarstvennom upravlenii // Lex russica. 2022. No 1. S. 74–86.
 29. Metavselennye pridut s Vostoka. — URL: https://rdc.grfc.ru/2022/03/metaverse_regulation/ (last access: 20.01.2023).
 30. Garon, Jon M. Legal Implications of a Ubiquitous Metaverse and a Web3 Future (January 3, 2022). — URL: <https://ssrn.com/abstract=4002551> (last access: 20.01.2023).
 31. Federal'nyj zakon ot 30.12.2020 No 530-FZ "O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon "Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii" // Sobranie zakonodatel'stva RF, 04.01.2021, № 1 (ch. I), st. 69.
 32. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.07.2021 No 1191 "Ob utverzhdenii Pravil i srokov rassmotreniya obrashchenij pol'zovatelej social'noj seti ob otmene mer po ogranicheniyu dostupa k informacii, vyyavlennoj v processe osushchestvleniya monitoringa social'noj seti ili po rezul'tatam rassmotreniya obrashcheniya o rasprostranenii narushenij zakona informacii, a takzhe Pravil vneseniya trebovaniya vladel'cu social'noj seti ob otmene mer po ogranicheniyu dostupa k informacii pol'zovatelya" // Sobranie zakonodatel'stva RF, 26.07.2021, No 30, st. 5769.
 33. Pis'mo Minprosveshcheniya Rossii ot 29.03.2019 No 03-393 "O metodicheskikh rekomendacijah" (vmeste s "Metodicheskimi rekomendacijami po realizacii mer, napravlennyh na obespechenie bezopasnosti detej v seti Internet") // Vestnik obrazovaniya Rossii. 2019. No 12.
 34. Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 No 152-FZ (red. ot 14.07.2022) "O personal'nyh dannyh" // Sobranie zakonodatel'stva RF, 31.07.2006, No 31 (ch. 1), st. 3451.
 35. Delo No A40-18827/2017. — URL: kad.arbitr.ru (last access: 20.01.2023).
 36. Georgia Wells, Jeff Horwitz, Deepa Seetharaman. Facebook Knows Instagram Is Toxic for Teen Girls, Company Documents Show. — URL: <https://www.wsj.com/articles/facebook-knows-instagram-is-toxic-for-teen-girls-company-documents-show-11631620739> (last access: 20.01.2023).
 37. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020). — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (last access: 20.01.2023).
 38. Mredula M.S., Dey N., Rahman M.S., Mahmud I., Cho Y.-Z. A Review on the Trends in Event Detection by Analyzing Social Media Platforms' Data // Sensors. 2022. Vol. 2. P. 4531. — URL: <https://doi.org/10.3390/s22124531> (last access: 20.01.2023).
 39. St. 2 Federal'nogo zakona ot 27.07.2006 No 149-FZ (red. ot 29.12.2022) "Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii" // Sobranie zakonodatel'stva RF, 31.07.2006, No 31 (ch. 1), st. 3448.
 40. St. 141.1 Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (ch. 1) ot 30.11.1994 No 51-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF, 05.12.1994, No 32, st. 3301.
 41. Katkova M.M., Sur'yaninova P.A. Virtual'naya sobstvennost' v komp'yuternyh igrakh: problemy regulirovaniya v rossijskom zakonodatel'stve // Trudy po Intellektual'noj Sobstvennosti. 2022, T. 43. No 4. S. 91–100.
 42. Delo No A40-91072/14. — URL: kad.arbitr.ru (last access: 20.01.2023).